

О вредительской теории планирования Громана—Базарова¹

Раскрытие контрреволюционных организаций «Промпартии», ТКП («Трудовой крестьянской партии») и меньшевистской группы Громана и суд над «Промпартией» воочию показали наличие единого фронта от Пуанкаре до социал-фашистов за границей и от монархистов из «Промпартии» до меньшевистской группы Громана — Суханова внутри СССР.

Этот единый фронт контрреволюции мы имели после Октябрьского переворота в период гражданской войны — в виде Самарского правительства из кадетов, эсеров и меньшевиков, в виде поддержки меньшевиками правительства Деникина и т. д.

Этот единый фронт мы имели в 1921 г. во время Кронштадтского мятежа, в котором меньшевики и эсеры играли весьма активную роль и который они всеми силами стремились поддерживать.

Наконец и сейчас мы находим тот же единый фронт от Пальчинского — Рамзина до Базарова, который находится в тесной связи и выполняет директивы единого фронта Пуанкаре — Торгпром — Милюков — Абрамовича. Оправдались слова Энгельса о том, что в момент и на другой день пролетарской революции пролетариат будет иметь против себя всю реакционную массу, объединяющуюся вокруг лозунга чистой демократии (см. Письмо к Бебелю 11 декабря 1884 г.). Эту единую реакционную массу мы действительно имели и в 1918 и в 1921 гг. В последние годы, потеряв всякую надежду совершить контрреволюционный переворот внутренними силами, единый фронт возложил все надежды на интервенцию и вступил в полное ее распоряжение. Единый фронт сошелся на лозунге всемерной поддержки интервенции, победа которой означала бы длительный период военной диктатуры и белого террора.

Внутри единого лагеря врагов пролетарского государства намечалось полное разделение труда. Одна часть этого лагеря, «Промпартия», проводила вредительство, готовила диверсионные акты, помогала подготовке интервенции. Другая группа — Кондратьева — Юровского — готовила контрреволюционные кадры из кулачества для содействия интервентам изнутри и вредительствовала в области сельского хозяйства и финансов. Наконец, третья группа — меньшевист-

¹ В основу статьи положена стенограмма выступления в Ин-те эконом. исслед. Госплана 29/1930 г.

ская группа Громана и К^в — имела задачей «выполнить социальный заказ — предательски обмануть рабочие массы нашей страны в отношении истинных намерений этой кучки разбойников» (см. «Правда» от 3 декабря 1930 г.). Относительно этой группы Громан показал так:

«Эта контрреволюционная организация, внешне прикрытая научным авторитетом «школы Громана», составила в большинстве из моих единомышленников-меньшевиков, работавших и привлеченных к работе в Госплан и ЦСУ СССР, а именно: Базарова (богдановец), Вишневского (быв. социалист), Шуба (меньшевик), Пистрак (меньшевик), Гухман (меньшевик), Бройман (меньшевик), Зелингер (меньшевик) и др.». Члены этой группы играли значительную роль в Госплане, имели отношение к плановой работе и положили немало «трудов» для того, чтобы своими теориями и установками оказать влияние на ход плановой работы в нужном им направлении. Особенно выделялись в этой группе в смысле «теоретиков»-экономистов Громан и Базаров. Остальные были у них подручными.

Одной из специальных задач этой группы было подвести теоретическую базу под буржуазную и вредительскую практику единого контрреволюционного фронта, доказать, что наше хозяйство идет к капитализму, что оно неспособно тягаться с капитализмом, а главное, что спасение только в уступках капиталистическим элементам и в спуске на тормозах к старому.

«В своей борьбе за политический переворот и свержение большевиков, — заявил тот же Громан, — организация ставила основную ставку на кулацкую верхушку села — единственный политически и хозяйственно-активный слой».

Разоблачая вредительские установки и теории Громана—Базарова, нельзя ни на минуту забывать, что в их лице мы имеем не просто «ошибающихся» теоретиков, а идеологов единого контрреволюционного фронта, сознательных выразителей интересов буржуазии.

Перед нами апологеты капитализма, буржуазные экономисты, пытающиеся обмануть пролетариат под личиной сторонников Маркса. Особенно тонкий обман и извращение Маркса мы находим у Базарова, — именно поэтому его установки являются более опасными и заслуживают большего внимания. Разоблачение этих меньшевистских теорий важно еще и потому, что ряд положений в их теориях и теориях представителей правого оппортунизма являются общими. Как увидим ниже, не только правый оппортунизм — эта главная опасность в партии на данном этапе, но и «левые» оппортунисты имеют много общего с установками Базарова и Громана. Удивительного в этом нет ничего, ибо всякие уклоны от марксово-ленинской линии в политике и теории ведут в меньшевистское болото.

Прежде чем заняться подробно Базаровым, остановлюсь на позиции Громана. Следует иметь в виду, что принципиальной разницы между установками обоих меньшевиков мы не обнаруживаем. Оба они исходят из одинаковой и при этом буржуазной теории совет-

ского хозяйства. Громан и Базаров не видят и не признают в нашей экономике социалистического уклада. Этот уклад фигурирует у них в форме гос.-капиталистического уклада. Громан находит в нашей системе следующие социальные формы: «государственный капитализм, частный капитализм, мелкое товарное производство и кооперативное хозяйство»¹. Громан и Базаров вместе с тем не признают и не исходят в своих теоретических построениях из наличия у нас диктатуры пролетариата.

Из этого понимания экономической структуры нашего общества вытекает в основном и непризнание нашего хозяйственного строительства как строительства социалистического и отождествление нашей экономики с экономикой капиталистической и отрицание нашего движения к социализму. Наоборот, Громан и Базаров утверждают и исходят из того, что мы неизбежно и неотвратно катимся назад, к капитализму. Это свое кредо они подчас пытаются завуалировать, но шила в мешке не утаишь, и всякий, ознакомившись с их работами, легко обнаружит это. Можно сказать, что Громан в своих теоретических концепциях исходит из нашего советского хозяйства, как одной из форм капиталистического хозяйства. И это объединяет его с Юровским. Громановская «теория» эмпирических закономерностей несомненно методологически базируется на том, что он не признает диктатуры пролетариата, что он рассматривает нашу страну как страну, движущуюся назад к капитализму. То же проявляется и в его теории восстановительного процесса.

Основной характеристикой народного хозяйства СССР Громан считает «то, что после годов разрушения мы вступили в период восстановления». «Восстановительный процесс начался с того, что стали работать больше и больше, в том, что элементы производства и потребления стали концентрироваться в соответствующие моменты в соответствующих местах. Мы растем в меру утилизации оставшихся от прежнего общества материальных и человеческих производительных сил» (там же, стр. 102).

Итак основное — это то, что снова начали работать. На каких началах, при каких производственных отношениях, — а ведь если эти отношения изменились, то изменились и закономерности, — это Громан скрывает. Своеобразие советской системы им не признается. Каковы же закономерности этого восстановительного периода? Основной закон Громан видит в постулате равновесия, «Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований...» (там же).

¹ См. «О некоторых закономерностях» и т. д. «Плановое хозяйство» 1925 г., № 1, стр. 103.

«Основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т. е. к соразмерности развития различных взаимно обуславливающих друг друга элементов народного хозяйства. Всякое нарушение этого принципа со стороны объективных условий или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития» (там же, стр. 103).

Итак равновесие — вот основной закон нашей экономики. Не движение к социализму, не вытеснение капитализма, не социалистическое переустройство — коллективизация сельского хозяйства, а равновесие — топтание на месте, сохранение той же структуры нашей экономики, а фактически усиление элементов капитализма — вот основная черта нашей экономики. Именно в нем, в равновесии, а не в новой экономической структуре, не в движении к социализму, «критерий оценки». Было бы излишним доказывать, что равновесие есть лишь момент в движении, что пропорциональное распределение труда при столь дорогом Громану капитализме осуществляется лишь через неосуществление, что сама пропорциональность весьма относительна, что пропорции в наших условиях в основном формируются планом, т. е. нами и т. д. Важно не это. Важно иметь в виду, что теория равновесия была выдвинута Громаном совершенно сознательно, имея целью доказать невозможность резких сдвигов в нашей экономике и губительность их. В самом деле. О каком равновесии говорит Громан? Он говорит о равновесии на основе довоенных пропорций. Весь смысл восстановительного периода по Громану и сводится к восстановлению довоенного положения в отдельных отраслях производства и довоенных между ними соотношений; революция вывела народное хозяйство из равновесия; в итоге восстановительного процесса должно снова установиться равновесие на довоенном уровне, причем отрасли, более отставшие, должны быстрее двигаться к восстановлению довоенного уровня, а менее отставшие — медленнее.

В введении к контрольным цифрам на 1925/26 г. Громан так формулирует эту закономерность: «Восстановительный процесс захватывает данную отрасль тем раньше, чем более настоятельна потребность, ею удовлетворяемая и при прочих равных условиях восстановление идет тем быстрее, чем сильнее была дезорганизация в период хозяйственной разрухи» (К. Ц. на 1925/26 г. Введение). Из этого тезиса вытекал вывод, что темп роста производства в восстановительный период должен замедляться по мере приближения к довоенному уровню. Эту теорию затухающей кривой по мере приближения к довоенному размеру производства Громан подкреплял своей так называемой теорией «эмпирических закономерностей». Теория «эмпирических закономерностей» тесно связана с громановской теорией равновесия. Основным законом всякого общества является по Громану (как

и по Богданову) закон равновесия; наша экономика не признается Громаном как экономика переходного между капитализмом и коммунизмом периода. Следовательно, должно установиться равновесие на довоенном уровне и довоенного типа; Громан и выдвинул положение, что мы идем к довоенному соотношению с. х. и промышленности, к довоенному удельному весу зарплаты в продукции, одним словом, к довоенным пропорциям в народном хозяйстве. Он настолько «верит» в этот закон, что кладет его в основу объяснения цен.

«Вся ценность с.-х. и промышленных товаров, отнесенная к их общей сумме, выразилась в величинах, близких к довоенным» — вот великая мысль, «на которую натолкнулся» ученик Громана Гухман и которую пытается доказать Громан.

В 1913 г. товарная продукция сельского хозяйства относилась к промпродукции как 37 : 63. В 1921/22 г. это отношение равнялось в довоенных ценах 51 и 49. Но рынок несколько смягчил это отношение, повысив с.-х. цены и понизив промышленные, что дало отношение 52 : 48.

В 1922/23 г. соотношение товарных масс с. х. и пром. составило в довоенных ценах 57 : 43, а в червонных ценах 41 : 59. В 1923/24 г. соотношение составило в довоенных ценах 51 : 49, а в червонных 38 : 62. И, наконец, 1924/25 г. привел при соотношении товарных масс в довоенных ценах 45 : 55 к соотношению в червонных ценах 37 : 63. Итак тютельница в тютелюку достигнуто довоенное соотношение товарных масс. Теперь ничего не стоит предусмотреть движение с.-х. и промцен, ибо сумма цен с.-х. товаров и сумма цен промышленных товаров должны относиться как 37 и 63, каковы бы ни были их массы в натуре. Блестящее открытие, подтверждающее торжество извечных законов экономики, экономики довоенной, капиталистической, их же не преи-деши! Мы идем к довоенному соотношению товарных масс с.-х. и промышленности, довоенному отношению зарплаты к продукции и т. д. Одним словом, диктатура пролетариата, пролетарская национализация промышленности, политика социалистической индустриализации и т. д. — все это несущественно, в основном все осталось попрежнему и идет к старому!

Трудно представить себе более грубую концепцию, чем эта теория Громана. Эта концепция совершенно враждебна марксизму, который требует вскрытия специфичности данной экономической структуры, который критерием экономического анализа принимает своеобразие экономической структуры общества.

Только ограниченный горизонт буржуазного экономиста и вредителя мог создать такую с позволения сказать теорию. Можно было заранее утверждать, что громановские эмпирические закономерности не имеют ничего общего с действительным движением нашей экономики. Стоило в качестве иллюстрации взять таблицу Громана (далеко не свободную от произвола) и продолжить ее на несколько лет дальше, чтобы выяснилось, что, как и следовало ожидать, устано-

вленные богом, природой и Громаном 63% и 37% отношение промышленной и с.-х. продукции нисколько не оправдалось. Следующие годы, начиная с 1925/26 г., дали падение удельного веса с.-х. продукции и рост удельного веса промышленной продукции (см. таблицу на стр. 66).

По теории Громана с.-х. цены должны повышаться в той мере, в какой уменьшался удельный вес с.-х. продукции, а промышленные цены должны бы падать в той мере, в какой повышалась бы доля промышленной продукции в общей продукции сельского хозяйства и промышленности. При курсе на индустриализацию это означало бы перманентное повышение с.-х. цен.

Скрытый смысл теории Громана и состоял в обосновании неизбежности непрерывного роста с.-х. цен в результате неизбежного и непреодолимого относительного роста промышленности. Такой непрерывный рост цен был на руку кулаку и в ущерб индустриализации.

Следует иметь в виду, что насквозь буржуазная теория Громана была положена им в основу планирования. Не признавая в нашей экономике принципиально новой, качественно особой экономической структуры, Громан заявил, что план в основном может быть только предвидением, но не директивой, и тем самым попытался скрыть активную преобразующую роль плана пролетарского государства.

Говоря о принципах и методах планирования, Громан выставил такой основной тезис: «Телеологическая и генетическая точка зрения должны быть органически связаны, и примат принадлежит генетической точке зрения»¹.

«Генетический метод» планирования вытекает у Громана из его закона эмпирических закономерностей, из отождествления нашей экономики с экономикой капиталистической.

Так как генетическое развитие понимается Громаном лишь как развитие стихийное, независимое от плана, то этот тезис и означал примат в плане за ориентировкой на стихийные тенденции развития. А из этой установки на предвидение стихийного развития вытекал излюбленный Громаном метод экстраполяции динамики прошлых лет на годы будущие.

Исходя из своей теории эмпирических закономерностей, Громан пытался предвидеть (отнюдь не планировать) движение цен.

Для 1925/26 г. Громан намечал рост с.-х. цен с 76% довоенного до 86%, и снижение промцен с 123% до 111%, тогда удержалось бы соотношение с.-х. и пром-товарной массы как 37 : 63.

На самом деле, с.-х. цены в 1925/26 г. составляли 102,3% от 1924/25 г., а пропорции сдвинулись от 37 : 63 к 33 : 67.

Величина зарплаты по теории Громана должна бы планироваться, исходя из довоенного веса зарплаты в продукции и т. д.

¹ Там же, стр. 99.

«Некоторые закономерности», эмпирически обнаруженные Громаном и реальная действительность¹
(в млн. рублей)

Годы	Товарная часть продукции						Удельный вес					
	Сельское хозяйство (включая лесное хозяйство, рыболовство, охоту и внутридеревенский оборот)			Промышленность крупная и мелкая			По довоенным ценам		По ценам 1926/27 г.		По ценам соотв. лет	
	В довоенных ценах	В ценах 1926/27 г.	В ценах соотв. лет	В довоенных ценах	В ценах 1926/27 г.	В ценах соотв. лет	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность
1913	4.030	—	6.100	7.010	—	10.610	36,5	63,5	—	—	36,5	63,5
1921/22	1.740	—	2.020	1.710	—	1.880	50,4	49,6	—	—	51,8	48,2
1922/23	2.520	—	2.080	1.910	—	2.990	56,9	43,1	—	—	41,0	59,0
1923/24	2.700	—	3.350	2.840	—	5.490	48,8	51,2	—	—	37,9	62,1
1924/25	2.820	—	3.690	3.700	—	6.220	43,3	56,7	—	—	37,2	62,8
1925/26	—	5.396	5.495	—	10.904	11.270	—	—	33,1	66,9	32,8	67,2
1926/27	—	5.760	5.760	—	12.715	12.715	—	—	31,2	68,8	31,2	68,8
1927/28	—	6.027	6.214	—	15.072	14.495	—	—	27,8	71,2	30,2	69,8
1928/29	—	6.596	7.426	—	17.894	17.335	—	—	27,6	72,4	30,7	69,3
1929/30 (план)	—	7.005	7.721	—	22.460	21.142	—	—	23,8	76,2	26,8	73,2
1929/30 (в полн.)	—	6.840	8.479	—	21.534	20.439	—	—	24,1	75,9	29,3	70,7
1930/31 (план)	—	7.681	10.681	—	32.125	30.146	—	—	19,3	80,7	26,1	73,9

¹ Товарная часть продукции, включая 1924/25 г., из статьи В. Г. Громана „О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве“, „Плановое хозяйство“ № 1 за 1925 г., стр. 108. Товарная часть за 1925—1927 гг. и план на 1929/30 г. из контрольных цифр на одно хозяйство на 1929/30 г. Товарная часть продукции промышленности за 1927/28—1930/31 гг. взята из материалов по разработке контрольных цифр на 1930/31 г. Товарная часть земледелия (по отчуждению на внедеревенский рынок), рыболовство, охота и лесное хозяйство из тех же матриц. Внутридеревенский оборот за 1927/28—1929/30 гг. по контрольным цифрам на 1929/30 г., за 1930/31 г. — в ценах соответствующих лет — по исчислению ЭСС Госплана и в ценах 1926/27 г. — по этому исчислению с переводом по индексу отчуждения на внедеревенский рынок.

Таблица составлена сотрудником ИЭИ тов. О. Шафранской.

Экстраполяция имеющейся динамики на будущее является важной принадлежностью громановской методологии планирования: имеется такое-то соотношение денежной массы и товаров в таком году; причем денежная масса обгоняла на столько-то процентов прирост товарной массы. Этот процент обгона денежной массой товарной планируется и на следующий год — такова «бесхитростная мудрость» этого метода планирования, который при всей своей «простоте» может оказаться и довольно таки вредительским. Что количество переходит в качество, что развитие идет вовсе не постепенно, а через скачки, что качественные изменения означают и новые закономерности, новые отношения, новую сущность (хотя бы и при прежней форме) — все это, конечно, методом экстраполяции не ухватывается.

Теория Громана насквозь механистична и метафизична. Она ставит своей целью дать свою, меньшевистскую установку и во что бы то ни стало задержать успешный процесс социалистического строительства.

Ни шагу дальше, не тронь буржуазию и кулака — таковы смысл и цель его теории равновесия. Задержать, снизить темпы, поднять цены на хлеб, уменьшить накопление в промышленности, не повышать зарплаты — таковы смысл и цель его теории эмпирических закономерностей. Я не касаюсь здесь вредительских установок Громана в его конъюнктурной и др. работе, где он не останавливался перед извращением фактов для достижения своих целей. (Об этом см. статью т. Вайсберга в этом номере). Но ясно, что в теории Громана мы имеем вредительскую теорию, пытающуюся скрыть сущность нашей экономики, как экономики периода диктатуры пролетариата, скрыть наши преимущества и возможности, затормозить наше продвижение к социализму, облегчить проведение вредительских мероприятий и наконец пытающуюся идеологически вооружить своих сторонников и воздействовать идеологически на известные круги специалистов, еще пребывающих в политическом болоте.

Переходя от Громана к Базарову, напомним, что принципиальные их установки не отличаются друг от друга и что отличие их теорий друг от друга гораздо меньше, чем некоторые думают. Базаров является таким же буржуазным реставратором, как и Громан. Разница разве лишь в том, что Базаров тоньше извращает марксизм, чаще цитирует Маркса, весьма часто цитирует и ссылается в методологических вопросах на т. Бухарина и преподносит нам насквозь буржуазную теорию под более густой вуалью, чем Громан. В то время как Громан «рубит с плеча», преподнося нам явно буржуазные установки, Базаров делает то же, но скрытнее.

Базаров в своей теории продолжает дело, так неудачно начатое Громаном. Громановская теория восстановительного процесса явно провалилась; темпы развития вовсе не упали, а наоборот повышались; довоенные пропорции вовсе не восстановились, а столь желанное равновесие с неизменным соотношением секторов не устанавливалось.

Базаров пытается объяснить эту неудачу Громана и дать свое объяснение восстановительному процессу. В своей работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР» Базаров ставит своей задачей определение «того уровня равновесия, к которому стихийно стремится наше возрождающееся хозяйство. В какой мере имеем мы «восстановительный» процесс в точном смысле этого слова, т. е. приближение к довоенным размерам, формам, соотношениям и в какой мере... сказываются соц.-экономические новообразования...»¹.

Каков же ответ Базарова на этот вопрос?

«Точное восстановление довоенного уровня и довоенных соотношений представляется очень мало вероятным». И вот почему.

«Как мы видели, восстановление нарушенного равновесия на неизменном уровне свойственно только механически уравновешенным системам. Системы подвижного равновесия, к которым относится народное хозяйство, вообще говоря, к старому уровню не возвращаются, ибо самый механизм отклонения их от наличного уровня создает новые условия равновесия» (стр. 97). При этом оказывается, что «равновесие общественного хозяйства по своей формальной структуре аналогично химическому процессу обменного разложения...» Базаров побивает рекорд механического понимания общественных явлений!

Каковы же однако эти новые условия «равновесия»? Базаров понимает, что одних ссылок на «систему подвижного равновесия, аналогичную химическому процессу обменного разложения» недостаточно. «Те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым» (стр. 98).

Основной результат этого изменения положения рабочей силы Базаров видит в замене тенденции к перепроизводству тенденцией к недопроизводству.

«Если над старым миром Дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства».

«... Основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном, или близком к довоенному уровню, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса...»².

Итак, «равновесие» не могло быть установлено на «близком к довоенному уровню» именно потому, что вследствие изменения положения рабочего класса (повидимому вследствие диктатуры пролетариата,

¹ В. Базаров. «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР», стр. 97.

² Там же, стр. 99.

о которой буржуазные реставраторы не любят говорить) у нас перманентно продукция отстает от спроса.

Без всяких доказательств Базаров утверждает, что нашей экономике присуща тенденция к недопроизводству.

«... Тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству капитализма»¹.

Чтобы «пришить» нашей экономике перманентный кризис недопроизводства, Базаров «пришивает» капитализму перманентный кризис перепроизводства на манер Сисмонди-Родбертуса.

Из положений Базарова нельзя также не делать вывода о том, что кризисы в нашей экономике вытекают из господствующего положения рабочего класса в нашей стране.

Выходит так, что, пока будет существовать диктатура пролетариата, нам не избавиться от товарного голода, так же как капитализм не может избавиться от кризисов перепроизводства.

Такое утверждение является контрреволюционной клеветой на нашу экономику. Базаров пытается скрыть действительные причины товарного голода, как одной из трудностей нашего роста, которая преодолевается по мере самого нашего продвижения вперед.

Ясно, например, что такие факторы товарного голода, как отсталость сельского хозяйства при преобладании в нем мелких и мельчайших хозяйств, слабость с.-х. сырьевой базы, низкая товарность сельского хозяйства преодолеваются по мере коллективизации. Это относится и к другим его факторам.

Базаров пытается скрыть, что товарный голод, как и другие трудности роста, обостряются, а во многих случаях и создаются сопротивлением кулачества, вредительством спецов, экономической блокадой и т. д. Наконец, он пытается скрыть, что социалистическая индустриализация и социалистическая переделка деревни при развернутом наступлении на капиталистические элементы уменьшают и ликвидируют трудности роста. Одним словом, Базаров пытается скрыть, что наша экономика через подавление сопротивления враждебных классов и преодоление трудностей движется к полной победе социалистических отношений производства.

Следует иметь в виду, что Базаров не только не признает ведущей роли социалистического сектора, но по существу вообще не признает наличия этого сектора в нашей экономике. Социалистический сектор у него фигурирует под названием госкапитализма.

Базаров определяет советское общество как «симбиоз различных социально-экономических формаций»², «как сосуществование... многих различных социально-экономических формаций».

Эта теория «симбиоза» мало чем отличается от тех теорий, которые рассматривают нашу экономику как «взаимодействие укладов»,

¹ В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 99.

² Там же, стр. 25.

«систему разделения труда» и т. п. Сказать, что наша экономика есть «симбиоз», «сожительство» укладов — это ничего не сказать, или сказать лишь об одном моменте, скрыв основное, сущность. Что в нашей экономике есть взаимодействующие уклады, это несомненно. Но еще Гегель указал на невозможность ограничиться признанием взаимодействия и на необходимость определения основы существования и изменения взаимодействующих факторов.

Что же является определяющим, движущим в нашей экономике? Определяющим, решающим фактором является диктатура пролетариата и ее экономическая база — социалистический сектор в нашей экономике. Когда мы говорим, что в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания раскола рабочих и крестьян, что мы имеем «все необходимое для построения социалистического общества» (Ленин), мы этим самым и даем ответ на вопрос о единстве нашей системы.

Это единство осуществляется через правильную политику пролетариата, через ожесточенную классовую борьбу, через укрепление ведущей роли социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни, через насаждение в деревне крупного социалистического хозяйства в виде совхозов и колхозов как базы социализма, могущих «повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства» (И. Сталин).

Это не просто «единство, хотя и противоречивое» (Н. Бухарин), а единство, в котором развитие идет по формуле «кто кого?», единство с меняющимся в процессе развития содержанием (например ликвидация на определенном этапе кулачества как класса на основе сплошной коллективизации). Единство нашей экономики таким образом состоит в том, что при диктатуре пролетариата, при правильной политике пролетарского государства развитие ее происходит по пути движения к социализму.

Теория «симбиоза» Базарова имела в виду весьма прикладную задачу — доказать, что капитализм является извечно необходимым «органическим» элементом нашей системы и что нажимать на него нельзя, ибо это нарушит «равновесие» и «мирное сожительство» укладов. Вместе с Громаном Базаров был ревностным защитником теории «равновесия секторов».

Базаров вынужден был признать, что предсказание Громана о неизбежности затухания темпов развития промышленности по мере приближения к окончанию восстановительного периода не оправдалось. Вместо падения восстановительный период дал увеличение темпов роста промпродукции.

Прирост промышленной продукции составлял (в процентах):

Г о д ы	Проценты
1921/22	40
1922/23	31
1923/24	30
1924/25	60

«Корень заблуждения, — заявляет Базаров, — заключался в недооценке глубоких перемен, внесенных военнореволюционной эпохой в организацию и социально-экономическое положение рабочей силы»¹.

Эти перемены Базаров видит в падении производительности труда в годы разрухи и в расшатывании трудовой дисциплины. Т. к. первые шаги восстановления трудовой дисциплины были особенно трудны, то и темпы первых лет нэпа были слабыми. По мере того, как восстанавливалась трудовая дисциплина, темп стал ускоряться пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало своего замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования фабрик и заводов»².

Перед нами 2 утверждения Базарова: 1) Перемены в социально-экономической обстановке состояли в расшатывании трудовой дисциплины; ее восстановление было источником ускорения темпов восстановительного периода. 2) Теория потухающей кривой верна не для восстановительного периода, а для периода, следующего за ним. Задачей Базарова является во что бы то ни стало доказать, что мы с окончанием восстановительного периода будем иметь неминуемо затухающую кривую развития. Доказательству этого положения призвана служить 1) базаровская теория капиталистических кризисов и цикла, которую он переносит целиком на нашу экономику, 2) отрицание преимуществ нашей системы. Мы остановимся сейчас на первой аргументации Базарова.

Базаров пытается доказать, что наша система также подвержена циклическому развитию и кризисам, как и капиталистическая.

Базаров исходит из своей теории кризисов, заключающейся в том, что падение производительности труда, которое имеется на вершине подъема, неизбежно ведет к кризису, и только подъем производительности труда, который мы имеем при депрессии, приводит к новому подъему. Эту концепцию, которая неверна и для капитализма, ибо циклическая форма движения роста производительности труда есть не причина, а следствие циклического развития капиталистического производства, эту теорию, которая неверна и для капитализма, Базаров преподносит для нашей экономики.

Базаров объявляет восстановительный период «большим циклом», состоящим из двух подциклов, двух «малых циклов». Первый подцикл — с 1920/21 по 1923/24 г. (перелом июль—декабрь 1923 г.). Второй подцикл — с начала 1924 г. по 1925/26 г. В начале восстановительного периода мы имели подъем, причем «динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична «автокаталической реакции» (!), а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей произ-

¹ В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 102.

² Там же.

водительность труда»¹. Но за этим подъемом должна последовать депрессия. Дело у Базарова идет не только об аналогии с капитализмом, а об отождествлении с капитализмом. Что это так, видно из того, что Базаров прямо заявляет:

«В том и другом случае (т. е. у нас и при капитализме. М. Р.) движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер»... (стр. 102). Различие лишь в том, что вследствие отличия нашей государственной системы кредита от капиталистической, мы не будем иметь острого кризиса.

Причину цикличности Базаров для нашей экономики, как и для капитализма, видит в динамике производительности труда: повышение зарплаты в 1921/22 г. вызвало рост производительности труда, а с ним и подъем в 1922/23 г., сменившийся кризисом и депрессией; однако условия денежного обращения тормозили калькуляцию и правильную организацию производства; с начала 1924 г. положение изменилось, и мы имеем новое оживление и подъем, которые во второй половине 1925/26 г. должны смениться кризисом или депрессией.

Является излишним вдаваться в подробную критику этой концепции Базарова, достаточно отметить, что кризис 1923 г. был вызван вовсе не падением производительности труда, а неправильной политической цен нашей промышленности, ножницами, наличием падающей валюты. Самое циклическое движение роста производительности труда является выдумкой Базарова. Чтобы создать циклическую кривую, Базаров применяет поистине чудеса статистической эквилибристики. Путем «обработки» кривых роста производительности он пытается добиться циклической кривой, хотя одного взгляда на «необработанную» кривую роста производительности труда достаточно, чтобы убедиться, что она вовсе не имеет циклического характера.

Основой циклического движения капиталистического производства является по существу сам капиталистический кризис, являющийся «исходным пунктом для новых крупных вложений капитала» (Маркс).

На определенном этапе развития капиталистического производства противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения приводит на основе создаваемой падением нормы прибыли тенденции к безудержному размаху производства при ограниченной, хотя и растущей, покупательной силе широких масс — к такому обострению противоречия производства и платежеспособного спроса, что наступает кризис сбыта и кризис производства.

Что касается длительности циклов и периодичности кризисов, то они увязываются у Маркса с особыми условиями обращения и восстановления основного капитала. Как известно, основной капитал, участвуя в создании потребительской стоимости целиком, входит в стои-

мость товара частями. Авансированный капитал должен проделать известный цикл оборотов, пока не возместится стоимость основного капитала. Поэтому, — «в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства, растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала, жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь» (Маркс). «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, в котором капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления средней деятельности стремительного размаха, кризиса; хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» (Маркс). Имеющие место вслед за кризисом обесценение капитала, снижение зарплаты, реконструкция производства и снижение себестоимости делают снова достаточно прибыльным производство; технические усовершенствования с целью приспособиться к низкому уровню цен ускоряют моральную амортизацию и приводят к крупным новым вложениям капитала. Создаваемое этим оживление переходит при цепной связи отраслей производства в подъем, подъем в стремительный размах, а последний кончается кризисом — и порочный кругооборот возобновляется.

Чтобы доказать циклическое развитие нашей экономики, надо доказать неизбежность всеобщего кризиса перепроизводства в ней. А этого-то как раз доказать и нельзя, ибо нет налицо тех условий, которые ведут к кризису.

Не просто наличие товарного хозяйства, а господство капиталистического хозяйства — вот что делает кризисы неизбежными. Этого не видит например и тов. Бухарин, который указывает, что в нашей экономике «могут быть «кризисы», вытекающие из относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода», имеющей «своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности»¹.

Тов. Бухарин смешивает вопрос о всеобщем кризисе с вопросом о частных диспропорциях. Раз у нас не господствует капитал, то нет почвы для капиталистического типа кризиса и для циклического движения.

¹ В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 102.

¹ Н. Бухарин. Заметки экономиста, стр. 16.

Частичные диспропорции возможны — это диспропорции не просто рыночного порядка, диспропорции, не просто вытекающие из неумения планировать (возможны и такие), а диспропорции, вытекающие из трудностей роста, из сопротивления враждебных классов в том числе.

Не останавливаясь более подробно на этой проблеме, отметим, что мы имеем полную возможность бескризисного развития при правильной политике нашей партии. Конечно эта возможность должна быть нами превращена в действительность: на каждом этапе это предполагает определенную политику, определенные действия, особые усилия и напряжение воли, борьбу с враждебными классами.

Самые трудности и частичные диспропорции в том числе, неизбежные в процессе социалистического строя, являются трудностями, сопровождающими наше быстрое продвижение вперед. Это отнюдь не трудности упадка, которые переживают страны капитализма, вовлеченные в мировой экономический кризис (САСШ, Германия, Франция и т. д.).

Эти трудности роста преодолеваются нами отнюдь не через сокращение производства, снижение зарплаты и т. п. Наши трудности, «как трудности продвижения вперед..., сами содержат в себе возможность их преодоления..., сами дают нам базу для их преодоления» (И. Сталин). Подавляя сопротивление враждебных классов, организуя «наступление на капиталистические элементы по всему фронту» и изолируя оппортунистические, колеблющиеся элементы в рядах авангарда, мы преодолеваем на современном этапе трудности.

Мы видим, какое особое, специфическое значение имеет политика в преодолении трудностей и диспропорций, в обеспечении бескризисного развития нашей экономики.

Перейдем сейчас к теории планирования Базарова. Здесь мы находим несколько этапов, причем на всех этих этапах эта теория является одинаково неверной и вредительской. Разница лишь в том, что Базаров, приспособляясь к новым обстоятельствам, видоизменяет и свою теорию.

Первый этап—1924 г. В своей работе «К методологии перспективного планирования» Базаров исходит из того, что «...в условиях переживаемой нами эпохи распределение продуктов должно осуществляться не в непосредственном плановом порядке, а при помощи «вольного» товарного рынка». Но если рынок является «распределителем» — какова же роль планирования? Эта роль планирования весьма скромна. Планирование призвано лишь устранить те «деформации» и изменения, которые внесли в нашу экономику империалистическая и гражданская война.

Если бы наше народное хозяйство, — утверждает Базаров, — представляло из себя полнокровный, пропорционально сложенный организм с упроченными традициями здорового развития (организм ко-

нечно капиталистический — с традициями капиталистическими. М. Р.), то перспективное планирование было бы излишним и можно было бы довольствоваться учетом конъюнктуры и выравниванием случайных отклонений.

«Но беда в том, — так и заявляет Базаров, — что каждая отрасль нашей современной экономики нуждается в радикальном переустройстве... Эпоха империалистических и гражданских войн произвела такие грандиозные деформации в системе нашего народного хозяйства, создала такие диспропорции между отдельными частями, что конъюнктурные показатели сами по себе ничего не дают для выявления общих линий экономической политики... потребна рассчитанная на длительный период восстановительная программа» (стр. 5). Однако не просто «восстановление, а реконструкция народного хозяйства является нашей плановой задачей» (там же).

Базаров не решается высказаться прямо за восстановление довоенных отношений, но реконструкция у него настолько куцая, что фактически получается именно восстановление.

«... В планировании этих внутренних сдвигов необходимо ограничиться минимумом, устраняющим наиболее бьющие в глаза аномалии в структуре и технике современного производства. План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех объективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства немыслимо» (стр. 6). Только такой план Базаров считает деловым.

Итак план должен лишь устранить аномалии, бьющие в глаза.

Что реконструкция должна быть социалистической, что она должна революционизировать экономические отношения и технику — об этом Базаров не только молчит, но он прямо выступает против такого плана реконструкции.

Каковы те методы построения перспективного плана, которые намечает Базаров? «...На первый взгляд наиболее трезвым и надежным подходом была бы экстраполяция тех тенденций к оздоровлению, которые уже фактически определились в динамике нашего народного хозяйства за последние годы». Такой «чисто генетический путь», примененный Транспланом при выработке перспективного плана на 1923/24—1924—1928 гг., не дал однако удовлетворительных результатов.

Жизнь сломала всякие математические экстраполяции. Базаров поэтому вынужден признать, что «экстраполяция коэффициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух-трех последних, в высокой степени аномальных лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения».

Базаров однако не собирается вовсе отказаться от метода экстраполяции динамики последних лет на планируемые годы. Он считает, что этот метод планирования не подходит лишь для государственного хозяйства. Здесь должен действовать не «генетический» принцип, а «телеологический». «План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически: не путем проецирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития» (там же).

Иначе обстоит дело с планированием сельскохозяйственной продукции. «Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно-намечающиеся тенденции мерами экономической политики. Уже по одному этому целевая конструкция была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически: и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве, гораздо менее промышленности деформированном войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэффициенты и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно-доминирующей отрасли национального производства... Построенная таким способом схема возрожденного сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его «товарности», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности».

Если вдуматься в эти положения, то придем к выводу, что фактически Базаров предлагал ориентироваться в планировании на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, представленного самому себе. Базаров считал, что мы можем лишь «косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции» этого хозяйства. К этим тенденциям должен приспосабливаться план государственной промышленности. Такая установка совершенно смазывает ведущую и преобразующую роль социалистической промышленности по отношению к сельскому хозяйству, роль, предполагающую насаждение в деревне совхозов и колхозов. Ориентировка на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, предоставленного самому себе, есть ориентировка на капиталистический путь развития. «Генетически выведенный перспективный план с.х.

продукции» означал бы просто экстраполяцию выявившихся капиталистических тенденций на ближайшие «планируемые» годы. План таким образом превращается в предвидение стихийных тенденций развития сельского хозяйства, к которым приноравливаются промышленные планы.

Такое положение буржуазные реставраторы называли «приматом генетики над телеологией». Особенно носился с этим приматом Громан, который приписывал себе честь изобретения этой «величайшей истины».

Еще в 1928 г. Громан держался за эту «истину», заявляя:

«Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу (генетической точки зрения. М. Р.); я продолжаю на ней стоять... Примат всегда принадлежит генетической точке зрения... Скачка из царства необходимости в царство свободы мы еще не произвели»¹.

Чтобы крепче смотивировать это положение о господстве «генетики», Громан ссылается в доказательство его на то, что мы еще не овладели такой стихией, как погода, осадки и т. п. (см. там же).

«Мы можем дать такую формулу: в меру овладения нами силами природы мощь нашего сознательного воздействия на надстройку производственных отношений будет все более и более развиваться и усиливаться. В той мере, в которой это хозяйство будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти и развиваться стихийно»².

Другими словами, нам предстоит оставаться рабами общественных отношений, развиваться стихийно, пока мы не овладеем силами природы, пока не сумеем творить дождь по желанию, предупреждать землетрясения, извержения вулканов и т. п. Вот до какой чепухи договорился меньшевистский мракобес и вредитель! Что процесс овладения силами природы как раз с громадной мощью развернется с победой социализма, что социалистическая переделка производственных отношений в деревне делает сельское хозяйство все более независимым от случайностей погоды — об этом социал-вредитель предпочитает умалчивать.

Противопоставляя «телеологически» составленный план государственной промышленности «генетическому» развитию сельского хозяйства, вредители пытались противопоставить наши планы как нереальные, надуманные, — закономерному и стихийному, независимо от плана развивающемуся народному хозяйству. Народнохозяйственный план рассматривался вредителями по-кантиански, как субъективное должностное, вне связи с объективным развитием.

Проблему нового соотношения стремлений людей и классов и необходимости в нашей экономике, в отличие от капита-

¹ «Плановое хозяйство» 1928 г., № 6, стр. 159.

² Там же, стр. 161.

листической, вредители подменяли противопоставлением «телеологии» и «генетики», сыпали песок в глаза, стремясь скрыть особенности нашей экономики как экономики, движущейся к коммунизму.

Несомненно, что в отношении к природе применение понятия цели неправильно, ибо оно приводит «к бессмысленной попытке навязывать природе сознательную и намеренную деятельность»¹.

Объяснять известное состояние производительных сил и обуславливаемых ими производственных отношений волей людей и теми целями, которые ими преследуются, также нельзя.

Но «...история делается людьми; стало быть человеческие стремления не могут не быть фактором исторического движения. Но история делается людьми так, а не иначе, вследствие известной необходимости. Раз дана эта необходимость, то даны, как ее следствие, и те стремления людей, которые являются неизбежным фактором общественного развития. Стремления людей не исключают необходимости, а сами определяются ею. Значит и противопоставление их необходимости есть большой грех логики»². И дальше Плеханов отмечает: «Когда данный класс, стремясь к своему освобождению, совершает общественный переворот, он поступает при этом целесообразно и во всяком случае его деятельность является причиной этого переворота. Но эта деятельность со всеми теми стремлениями, которые ее вызвали, сама есть следствие известного хода экономического развития и потому сама определяется необходимостью».

В этих замечаниях Плеханова весьма важно обратить внимание на то место, где он рассматривает целесообразную деятельность класса как причину общественного переворота. Деятельность пролетариата, завоевавшего политическую власть, национализировавшего промышленность и землю, проводящего социалистическую переделку мелкокрестьянского хозяйства, беспощадно борющегося с враждебными классами и тенденциями, приводит к победе социалистического строя. Эта деятельность сама определяется необходимостью, ходом исторического развития, которое подготовило материальные предпосылки социализма, а в лице пролетариата, руководимого коммунистической партией, могильщика капитализма и строителя коммунизма. Вот эту деятельность пролетариата, как причину общественного переворота, пытались и пытаются скрыть социал-вредители, меньшевики, которые представляют исторический процесс фаталистически, которые пытаются уверить, что социализм мирно, этак лет через сто — двести, вратет в «буржуазное свинство».

Громан пытается во что бы то ни стало доказать, что наша экономика не отличается принципиально от капиталистической, что развитие в ней совершается так же стихийно, за спиной производителей

и т. д. Но одно дело капиталистическое общество, другое дело общество переходное к коммунизму. В капиталистическом обществе действительно имеется неразрешимое противоречие между целями, которые себе ставят капиталисты, и ходом исторического процесса; хотя воля капиталистов детерминирована условиями капиталистического производства, однако результат получается вовсе не тот, который ожидался (например кризисы).

«Каждое общество, покоящееся на товарном производстве, имеет ту особенность, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями... Господствует анархия общественного производства». Законы товарного производства проявляются «без участия производителей и помимо их воли, как слепо действующие законы, присущие форме производства. Продукт господствует над производителями»¹.

Уже при капитализме иначе обстоит дело с теми целями, которые ставит себе пролетариат как класс для себя. Эти цели обусловлены необходимостью, и в то же время эти цели — свержение господства капитала и установление диктатуры пролетариата — совпадают с тенденциями исторического развития, подготовившего материальные предпосылки нового строя и могильщика капитализма — в лице революционного пролетариата.

С переходом к социализму конфликт, противоречие между волей, сознанием и намерениями отдельных людей и законами общественного развития сменяется все большим и большим соответствием между ними.

В отличие от капитализма социализм представляет «общественный строй, в котором не будет уже никаких классовых различий, в котором впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы».

«Вместе с переходом средств производства в руки всего общества устранился товарное производство и вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной сознательной организацией. Борьба за личное существование прекратится. Только тогда выделится окончательно человек, в точном смысле этого слова, из животного царства, перейдет из зоологических условий существования в действительно человеческие. Все условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, сами подчинятся тогда людям и их контролю, и они впервые явятся сознательными, действительными господами природы, т. е. будут господами в своем собственном соединенном обществе; законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопоставлялись им как им чуждые и потому господ-

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 29, изд. 1922 г.

² Г. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», стр. 97.

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 152, изд. 1922 г.

ствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Подчинение общественной организации, которое ими до сих пор как бы навязывалось природой и историей, станет теперь их собственным свободным делом. Об'ективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей.

Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, и приводимые ими в движение исторические факторы станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Царство свободы однако отнюдь не означает отрицание необходимости или неограниченную ни законами природы, ни законами общества индетерминированную волю. И при коммунизме производство будет представлять материальную основу всех прочих видов деятельности человека. Необходимость, об'ективная закономерность остается в силе и при коммунизме, остается в силе положение, что «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное» (Ленин). Но «свобода есть познанная необходимость». Громадная разница будет состоять в том, что человеческое общество будет при социализме «вполне сознательно творить свою историю», в громадной степени увеличивая власть над законами природы. Цель, которую будет себе ставить человечество, будет сознательно исходить из учета этих законов общества и природы.

«Законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопоставлялись им, как им чуждые и потому господствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно их собственным интересам» (Энгельс).

Переходный период представляет период революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое, и по мере этого переустройства анархии внутри общественного производства сменяется планомерной сознательной организацией общественного производства. Поскольку развитие планового хозяйства есть процесс все большего «познания необходимости», постольку, так же как и правильно понятая свобода, и план не может противопоставляться необходимости, об'ективной закономерности.

Совершенно ясно, что наше движение к полной победе социализма является закономерным: оно предполагает диктатуру пролетариата, национализацию важнейших средств производства, правильную политику пролетариата, ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, оно предполагает социалистическую индустриализацию, насаждение совхозов и колхозов и ликвидацию кулачества на определенном этапе и т. д. Но этот процесс совершается вовсе не стихийно, вне воли и намерения пролетариата. Пролетариат, организованный как по-

¹ «Анти-Дюринг», стр. 159.

литическая власть, ставит себе определенные цели, формулирует их в плане и достигает его осуществления, опираясь на материальные предпосылки, на познание законов общественного развития, и что особенно важно, опираясь на революционную активность пролетариата. Этот последний момент, творческая, строительная роль пролетариата в процессе выполнения плана, тщательно игнорировалась вредителями, так же как не учитывалась и правыми оппортунистами.

Итак, движение к социализму нашей экономики совершается через план, опосредствуется планом, как совершенно необходимым моментом этого движения.

Поскольку революционная деятельность пролетариата, овладевшего политической властью и важнейшими средствами производства, является причиной общественного переворота, причиной переустройства общественных отношений и поскольку эта деятельность — строительство социализма — находит свое выражение в плане пролетарского государства, мы можем говорить о ведущей роли плана в нашей экономике.

Выставив в 1924 г. тезис о примате стихии, Базаров развивал это положение и в дальнейшем, с той разницей, что в 1926 г. он «обогатил» методологию планирования теорией затухания темпов.

В статье, помещенной в «Плановом хозяйстве» в 1926 г., Базаров заявляет: «Основная задача перспективного планирования приводит к необходимости сочетать генетический и телеологический методы на почве отыскания оптимального пути развития»¹.

Первый вопрос Базаровым «разрешается очень просто». Телеологическому методу отводится «поле» государственного, а генетическому принципу — сельское хозяйство.

«Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком млн. мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентирующееся в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль» (там же). Знакомая мелодия повторяется в 1926 г.

Что касается оптимальности плана, то сюда Базаров относит 3 момента. «Во-первых, движение народного хозяйства... должно протекать плавно, без перебоев...». Во-вторых, «народное хозяйство... в любой точке перехода должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия. Это второе требование — требование соразмерности и внутренней согласованности отдельных элементов реконструктивного процесса». И наконец, «третья предпосылка оптимума требует, чтобы при соблюдении первой и второй предпосылок путь к цели, намеченной генеральным планом, был избран кратчайший. Здесь возникает, следовательно, проблема «темпа»... Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству по сравнению с хозяйством

¹ «Плановое хозяйство» 1926 г., № 7, стр. 10.

капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказывается просто наша неумелость и неопытность; но в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития» (там же).

Так как зарплата у нас имеет тенденцию роста, так как благосостояние крестьянства выше и, наконец, так как плановая система и госаппарат «требуют относительно больших издержек», то поэтому, — утверждает Базаров, — источники роста у нас меньше, чем при капитализме. Что рабочий класс работает у нас на себя, что социалистическая перестройка мелкого хозяйства открывает огромные перспективы роста производительных сил в сельском хозяйстве, что плановая система устраняет громадные непроизводительные издержки капитализма — все эти преимущества нашей системы превращены Базаровым в наши недостатки.

Но по Базарову мы не только не в состоянии взять высоких темпов, мы обречены на потухающие темпы.

«Мы подходим к исчерпанию восстановительного процесса без достаточной подготовки к грядущему периоду реконструкции, вследствие чего в начальные годы реконструкционного процесса мы неизбежно должны пережить значительное замедление темпов народнохозяйственного роста. В самом деле, мы должны немедленно тратить большие средства на реконструкцию, а результаты этой последней скажутся на росте производительных сил лишь через несколько лет, когда вновь выстроенные предприятия начнут одно за другим вступать в работу. Замедление темпа роста будет, очевидно, тем значительнее, чем большую долю производительно затрачиваемого накопления будем мы направлять в новое строительство и чем меньше средств останется у нас на подновление и частичное переоборудование существующих устарелых предприятий. С точки зрения рациональных принципов реконструкции устарелые предприятия должны лишь до-

рабатывать свой срок и не заслуживают значительных капитальных вложений, ибо небольшое увеличение объема и еще того меньший рост уровня производительных сил покупается здесь дорогой ценой относительно очень крупных затрат. Но избежать таких «нерациональных» затрат мы, очевидно, не сможем. В самом деле, если бы мы решили производить только такие капитальные вложения, которые представляются рациональными в свете генерального плана, то нам пришлось бы все вкладываемые в производство накопления загнать в новые строительные работы, ограничив расходы на поддержание действующих предприятий рамками так называемого «текущего ремонта». В результате, на ближайший период, пока новые предприятия еще только строятся, мы получили бы уже не ослабление темпа роста, а полную стационарность физического объема продукции и падение средней производительности промышленного труда при резком повышении фонда заработной платы за счет кадров пролетариата, вовлеченных в строительство»¹.

И отсюда практический вывод: «Такая политика, очевидно, в корне нарушила бы требование «соразмерности частей» народнохозяйственного целого и привела бы к острому кризису и катастрофическому срыву всех наших плановых предначертаний. Для смягчения трудностей переходного периода необходимо наряду с новым строительством, развертываемым в строгом соответствии с планом генеральной реконструкции, тратить очень большие средства на предприятия заведомо плохие, лишь бы добиться немедленного, хотя бы и сравнительно умеренного повышения их производительности» (там же).

Таким образом теорию затухающих кривых Базаров пытается обосновывать на двух предпосылках. Во-первых, на том, что он отрицает преимущества нашей системы по сравнению с капиталистической. Во-вторых, Базаров указывает, что переход от восстановительного к реконструктивному периоду потребует колоссальных затрат, и нам придется и капиталы и рабочую силу загонять на новые предприятия, которые дадут продукцию лишь через 5-6 лет. Если мы будем форсировать строительство новых заводов, то нам грозит стационарность в росте развития нашей продукции, мало того, — нам грозит кризис, катастрофа и т. д. Чем меньше мы будем строить новых предприятий, и чем больше будем расширять старые предприятия — тем меньше будет темп затухания, — таков вывод, который делает Базаров.

В своей теории затухающей кривой Базаров наворотил столько путаницы, что распутать этот вопрос представляется делом довольно канительным. Прежде всего неправильно утверждение Базарова о том, что развернутое капитальное строительство неизбежно связано с стационарностью объема продукции или снижением темпов ее роста. Размеры капитального строительства связаны в большой мере с размерами общественного прибавочного продукта (хотя на строитель-

¹ «Плановое хозяйство» 1926 г., № 7, стр. 18.

ство новых предприятий можно пускать часть валовой продукции, покрывающей амортизацию старых, дорабатываемых предприятий). Рост капитального строительства требует роста прибавочного продукта, а следовательно и всей продукции. Чтобы строить, нужно иметь продукцию. Стройка новых предприятий требует направления огромных количеств средств производства для новостроек и средств потребления для строителей. Нельзя строить Днепрострой, Магнитогорский завод и т. п. без огромного роста производства металла, цемента и т. п.

Растущее капитальное строительство означает, что ежегодно все большая масса металла, цемента, кирпича направляется на строительство новых предприятий. Направляемые на постройку материалы не «участвуют» в производстве продукции в данном году. Это верно. В этом отношении имеется разница между строительными материалами и оборудованием, которое быстро по поступлении на новое предприятие вступает в дело. Однако можно себе представить быстро растущую ежегодно массу прибавочного продукта и растущую массу средств, направленных на строительство. Если удельный вес накапливаемой части прибавочного продукта растет — а это мы несомненно имеем, — то это становится тем более возможным».

Поскольку с рынка берутся средства производства и средства потребления для строительства новых предприятий, которые дадут продукцию лишь после окончания их стройки, может создаться напряжение в смысле соотношения спроса и предложения, однако вовсе не обязательно кризис. Так же как и другие трудности нашего социалистического строительства эти трудности сами дают нам базу для их преодоления. Рост производительности труда, социалистическое соревнование, трудовой героизм пролетариата приводят к росту общественного, прибавочного продукта, к ускорению строительства, а это позволяет больше производить и больше строить.

В своей теории затухающей кривой Базаров придает большое значение динамике производительности труда. Он предвидит ее неизбежное падение: если мы во избежание полного затухания темпа будем расширять старые предприятия, то получим падение производительности труда. Если будем усиленно направлять средства на новое строительство, опять получим «падение средней производительности промышленного труда». Одним словом куда ни кинь, везде клин. Почему однако строительство новых предприятий влечет падение производительности труда — этого простому, «неискушенному» уму так и не понять... Но неверно, что и расширение старых предприятий должно обязательно вызывать такой результат. О громадных неиспользованных резервах, неиспользованных весьма часто сознательно вредителями — об этом Базаров предпочитает молчать.

И реконструкция старых предприятий, проведенная не вредительски, и стройка новых предприятий — все это может и должно сопровождаться ростом производительности труда. А рост производитель-

ности труда есть большой источник ускорения темпов: он увеличивает прибавочный продукт (при одновременном росте зарплаты), увеличивает массу предметов и средств труда, расширяет поле труда и т. д.

Теория затухающей кривой неверна, ибо она исходит из оценки нашей экономики, как экономики капиталистической, ибо она скрывает преимущества нашей системы, преимущества, все более растущие по мере приближения к социализму.

Что социалистический переворот открыл огромный простор развитию производительных сил, что отпали те препятствия, которые ставил капитализм применению машин, применению данных науки в земледелии, проведению сплошной электрификации, что выпал целый паразитический потребляющий класс помещиков и рантье, что с каждым шагом продвижения к социализму уменьшаются издержки обращения, что созданы новые стимулы к труду — все это отрицается теорией затухающей кривой. Эта теория укрывает, что прибавочный продукт в наших условиях может идти и идет в огромной своей части на расширение производства, она скрывает и тот весьма важный момент, который ярко отмечен тов. Сталиным на XVI съезде, что самый процесс обобществления нашего хозяйства есть источник роста наших темпов. В это нужно вдуматься. По мере того, как мы обобществляем наше хозяйство, мы приобщаем его все более широким массивом к преимуществам социализма, мы получаем все больший массив социалистических производительных сил, и тем самым мы не только не должны иметь затухающую кривую, но у нас тем больше оснований для роста темпов капитальных вложений и продукции.

«Рост обобществленного сектора означает прежде всего сокращение эксплуататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве... При росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся»...¹.

Переход к реконструктивному периоду открывает новые возможности и новые резервы для повышения темпов развития.

«... Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна» (там же).

Теория затухающей кривой была весьма важна для единого контрреволюционного фронта — она отвечала прямым задачам вредителей — задачам задержать во что бы то ни стало успешное и быстрое развитие социалистического сектора нашей экономики. По мнению Базарова наше развитие в восстановительный период шло по «плавной эсобообразной кривой», а раз так, то нужно планировать,

¹ И. Сталин и Л. Каганович. Отчет ЦК XVI съезду ВКП(б).

исходя из математического анализа этой кривой, кривой затухающей. Математической логике «эсообразной кривой» пролетариат противопоставил диалектическую логику социалистического строительства. Вопреки пророчествам Базарова реконструктивный период не дал снижения темпов. Прирост продукции госпромышленности составил: в 1926/27 г. — 19,7%; в 1927/28 г. — 26,3%; в 1928/29 г. — 24,3%, в 1929/30 г. — 25%.

И в то же время росли по «подымающейся большевистской кривой» (И. Сталин) капитальные вложения; по государственной промышленности они составили: в 1926/27 г. — 1.065 млн. руб., в 1927/28 г. — 1.304 млн. руб.; в 1928/29 г. — 1.819 млн. руб.; в 1929/30 г. — около 3,0 млрд. руб.

Как известно, потухающая кривая получила свое выражение во вредительском проекте генерального плана комиссии проф. Осадчего. Например по черной металлургии Осадчий намечал рост в течение первой пятилетки — с 1925/26 г. и по 1930/31 г. на 120%, вторая пятилетка должна была дать прирост на 60%, и третья пятилетка — прирост на 37%. На самом деле первая пятилетка дала прирост по металлургии в 191%, по отношению к 1925/26 г. Эта проектировка Осадчего однако не была утверждена Госпланом.

Так же, как и теория потухающей кривой, провалилась блистательно и теория «примата» стихии над планом. Социалистическая индустрия совершенно явно выявила свою ведущую роль, подтягивая к своему развитию и переделывая отстающее в своем росте сельское хозяйство. Приходилось отказываться от ряда явно неверных положений, пытаясь протащить новые установки, не менее однако вредительские. В 1928 г. Базаров выступает снова по вопросу о методологии планирования¹. Момент был весьма важен — стоял вопрос об установках пятилетнего плана.

«Всякий перспективный план народного хозяйства... генеральный, пятилетний или контрольные цифры должен представлять собою синтез директивы и прогноза, т. е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости... Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органически целого». Таким образом Базаров отказывается от прежних утверждений, но лишь для того, чтобы протащить буржуазно-реставраторские установки в пятилетний план.

Какова должна быть основная установка пятилетнего плана?

«Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процесса обобществления составляет телеологический стержень плана»².

¹ В. Базаров. Принципы построения перспективных планов. «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2.

² Там же, стр. 61.

Было бы наивно думать, что даже и формула, где обобществление стоит на последнем месте, отражает действительные убеждения Базарова. Базаров маскируется. Что его выводит из «равновесия» — это пункт «о скорейшем приближении к социализму», который хотя и на третьем месте, но стоял в установке Центр. комиссии перспективного планирования. Именно этот пункт неприемлем для Базарова, как и для всех буржуазных реставраторов. Именно эту часть установки он и подвергает обстрелу. Открыто выступать против нее он не решается — это бы его выдало с головой. Базарову приходится маневрировать — он обнаруживает антагонизмы, противоречия в самой установке.

Такой основной антагонизм он видит между задачей быстрого темпа роста производительных сил и задачей скорейшего приближения к социализму. «В течение короткого срока может оказаться целесообразным по тем или другим внеэкономическим соображениям вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной, ибо превратить на 5—10—15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в будущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение» (Базаров, там же, стр. 42).

Базаров прозрачно намекает на то, что установка на скорейшее приближение к социализму приведет к поражению. По существу Базаров исходит из того, что рост социалистического сектора означает создание оков для развития производительных сил, что социалистическое переустройство мелкого хозяйства задержит рост производительных сил.

Не торопиться с обобществлением, не торопиться с вытеснением капиталистического хозяйства — таков лозунг Базарова.

Признав на словах отсутствие в рамках пятилетнего и генерального плана «противоборства между развитием производительных сил... и процессов социализации» (не признавать этого никак нельзя человеку, облачающемуся в костюм марксиста), Базаров на деле противопоставляет быстрое развитие производительных сил быстрому развитию социалистических отношений как несовместимые на данном этапе вещи.

«Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепить на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил» (Базаров, там же).

Буржуазные реставраторы «люди дела»: они готовы признать на словах что хочешь, лишь бы на деле задержать темп вытеснения капиталистических элементов.

«Развитие производительных сил есть ведущее звено» — заявляет Базаров. Именно эту установку он считает правильной для пятилетки. Такая струвистская установка является контрреволюционной. Она ведет к победе капитализма. Развитие производительных сил в наших условиях может проходить в рамках или социалистических производственных отношений или капиталистических. Если я говорю — просто развитие производительных сил, если я не веду ожесточенной классовой борьбы за быстрый рост социалистического сектора, за ограничение капиталистических элементов, а на определенном этапе за ликвидацию кулачества и т. д., то неминуема победа капиталистического пути развития производительных сил. На это и били буржуазные реставраторы, этому они по мере сил и знаний содействовали, скрывая, что ведущим в нашей экономике является именно социалистический сектор, быстрый рост которого означает бурное развитие производительных сил в социалистической форме.

Итак, первой установкой пятилетки по Базарову должно быть — не торопиться с вытеснением капиталистических элементов. Базаров, собственно, рассчитывает на рост этих элементов. Этому должен будет содействовать переход патриархально-крестьянского хозяйства на рельсы товарного хозяйства.

«... Одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является планомерная ликвидация патриархально-натурального хозяйства и наиболее отсталых видов простого товарного производства»¹.

Денатурализация патриархального хозяйства дело не плохое, но важно, в какую сторону будет расти это хозяйство. Если не обеспечить быстрых темпов развития социалистической промышленности, если не насаждать колхозов и совхозов, предоставив это хозяйство самому себе, то развитие его должно пойти по пути капиталистической дифференциации. Базаров, правда, уверяет, что если проводить денатурализацию планомерно, то капиталистический сектор не усилится, но эта «планомерность», как сейчас увидим у Базарова, такова, что она как раз ведет к усилению капиталистического сектора.

Вопрос о денатурализации патриархального хозяйства поставлен Базаровым собственно с другими целями. Втягивание в общественный оборот его многомиллионные рабочие силы. Капиталистическое развитие должно будет усилить в деревне относительное перенаселение. Реконструкция нашего государственного хозяйства

¹ «Плановое хозяйство» 1928 г., № 2 стр. 44.

должна по мнению Базарова усилить скрытое перенаселение и безработицу.

Если мы в 1928 г. выплачивали 120 млн. руб. безработным, то «что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей» (Базаров). Потребуется миллиарды рублей на пособия, которые будут съесть все большую часть средств, необходимую для самой реконструкции. Итак реконструкция усилит безработицу, безработица съест огромные средства, значит средств для реконструкции очень мало и их нужно наиболее эффективно использовать. Таков вывод, к которому приходит Базаров. Каковой же должна быть политика реконструкции?

«Союз ССР — страна очень бедная капиталами. Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом». Итак не всякое капитальное строительство нам по плечу. «Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть поэтому достижение возможно большей эффективности — и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы — при возможно меньших затратах на капитальное строительство». Эффективность капитального строительства вещь прекрасная (и по поводу ее реставраторы немало сыпали песку в глаза). Но как ее осуществить?

«Возможностей достижения эффективности — заявляет Базаров — имеется две — рационализация и электрификация. Но рационализация «осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний». Но о каком массовом производстве идет речь? Может быть о массовом производстве тракторов, дизелей и т. п.? Нет, Базаров имеет в виду массовость уже производимых у нас до реконструкции товаров. Отсюда следует и вредительский вывод:

«В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам».

Таким образом в итоге своих «ученых» рассуждений Базаров пришел к такому капитальному строительству, к такой реконструкции, которая вовсе не означала бы индустриализации СССР. Критерий массовости понадобился Базарову именно для того, чтобы отложить действительную индустриализацию СССР в дальний ящик.

В самом деле, если послушать Базарова, мы должны были производить основное капитальное строительство в текстильной, в пищевой промышленности, а вовсе не строить собственной химической, машиностроительной промышленности, тракторных и комбайнных заводов и т. п.

Хорошенькую индустриализацию преподносили вредители! Расчет их был таков, что при такой «индустриализации» СССР будет попадать все в большую экономическую зависимость от капиталистического мира, а в случае интервенции не будет обороноспособным. Достаточно известно, какую огромную роль играет металлообрабатывающая и химическая промышленность во время войны.

Базаров, сознавая всю подозрительность его теории, пытается замести следы такими рассуждениями, что именно его схема обеспечивает максимально быстрый темп развития промышленности, а поэтому она дает максимально быстрое освобождение от заграничной зависимости. Под нажимом отдельных работников Госплана Базаров вынужден был согласиться на исключение из этой схемы в отношении строительства «отдельных военных предприятий», работающих на оборону. Но что обороноспособность зависит не от наличия отдельных предприятий, а от наличия мощной тяжелой индустрии, это Базаров в своей статье скрыл.

К арсеналу базаровской методологии планирования относятся кроме «телеологии» и «генетики» так называемые «регулятивные идеи». О них Базаров говорит следующее: «В нашей плановой работе мы часто пользуемся постулатами, которые представляют собою... рецепты, содержание которых, само по себе, не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при определенных объективных предпосылках. Таковы, например, нижеследующие указания: «продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления», индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться и т. д. Такие условные директивы, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть «регулятивными идеями» (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя «регулятивное» «конститутивному» (Базаров открыто выявляет свою кантианскую методологию. От Маркса к Канту — таков лозунг меньшевиков!)¹.

К «регулятивным идеям», условным директивам, рецептам, необоснованным научно, Базаров относит таким образом индустриализацию СССР и такие установки, которые Базаров называет директивными неравенствами: «темп роста производительных сил в СССР должен быть больше, чем в капиталистических странах», «промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной» и пр.

¹ «Плановое хозяйство» 1928 г.

Социалистическая индустриализация СССР, проблема догнать и перегнать — все эти важнейшие установки нашей политики Базаров объявляет условными директивами, не могущими быть обоснованными научно, не вытекающими из объективной необходимости. Эти директивы «почтенны», но не всегда выполнимы. «...Директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых в силу некоторых специфических условий общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия... Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они почтенны, в их общей формулировке, реально осуществимы лишь при наличии определенных условий, которых иногда может и не быть» (там же, стр. 63).

Итак индустриализация дело почтенное, но можно «иногда» ее не проводить в жизнь. В плохо прикрытой форме Базаров стремится подать руку правой оппозиции, которая также как раз в это время предлагала замедлить темпы индустриализации (Бухарин. «Заметки экономиста»), проводить индустриализацию с ситцевого конца (Угланов).

Наконец важнейшим элементом вредительской теории планирования является так называемый постулат равновесия. К этому постулату «синтетика»-вредители сводили даже всю методологию планирования.

Громановские рассуждения на эту тему мы привели выше.

Кондратьевец Огановский писал: «изюминкой при построении плана является принцип равновесия».

Наконец Базаров указывал, что «постулат» бескризисного воспроизводства предопределяет методологию перспективного планирования¹.

Бескризисное развитие — дело не плохое. Базаров, однако, понимал под таким развитием развитие, лишенное всяких диспропорций.

«Бескризисным народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких «диспропорций» (там же). Итак Базаров требовал, чтобы в любой момент наша экономика представляла систему равновесия. Только такое положение он признавал бескризисным. Несомненно, что требование равновесия в устах вредителей было лицемерным, ибо они делали все для создания кризиса. Но в то же время лозунг равновесия был политическим лозунгом, он был равносильен требованию застыть на данном пункте, не вытеснять капиталистические элементы, не ломать установившихся пропорций и т. д.

¹ См. «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 55.

В этом политический смысл лозунга равновесия, который усиленно выдвигали буржуазные реставраторы: Юровский, Громан, Базаров и др.

Постулат равновесия, хотя бы и «подвижного», означал, что должно существовать равновесие секторов, что исключены структурные сдвиги в нашей экономике, а такая вещь как ликвидация целого класса (напр. кулачества) грозит полным крахом нашей системы. А при таком «равновесии секторов» вредители надеялись, что будут расти капиталистические элементы, что в конце концов приведет к перерождению нашей экономики, к гибели Советской власти.

При изучении вредительских теорий планирования не может не броситься в глаза родство, а часто и полное совпадение этих теорий с теорией правых оппортунистов, а также с многими установками троцкистов. Что касается последних, то в вопросе о темпах мы имеем составленную под руководством троцкистов, при благосклонном участии меньшевиков из ВСНХ пятилетку с потухающими темпами развития (пятилетка ОСВОК). Мы могли бы сослаться и на совпадение теории Троцкого о том, что мы находимся под контролем мирового рынка с высказываниями по этому вопросу Громана и др.

Лозунг Базарова о максимальной связи с мировым рынком и об импорте средств производства вместо их собственного производства мало чем отличается от теории тт. Сокольников и Шанина.

Мы имеем общность установок правых оппортунистов и буржуазных реставраторов на равновесие, на более медленные темпы развития, на развитие производительных сил, хотя бы кулацких (яркий пример — Фрумкин, заявивший, что нам безразлично от кого получить хлеб — от кулака или колхоза) и т. д. В общности многих теоретических положений буржуазных реставраторов и правых и «левых» оппортунистов нет ничего удивительного, если учесть, что уклоны от ленинской линии в политике обычно сопровождаются и обосновываются какой-либо метафизической теорией, далекой от марксово-ленинской диалектики. Никогда не следует упускать из виду эту связь теории и практики. Правый уклон, эта главная опасность в партии на современном этапе, став объективно выразителем интересов кулачества, дает не мало образцов такой смычки с буржуазными реставраторами.

В качестве иллюстрации этой смычки я остановлюсь на двух моментах, имеющих отношение к теории планирования. Начну с вопроса о равновесии.

В вопросе о равновесии мы имеем значительное родство теоретических, особенно методологических установок т. Бухарина и богдановца Базарова. В «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «по сути дела... задача выработки народнохозяйственного плана состоит в том, чтобы «наметить условия подвижного экономического равновесия»¹. Выходит, что основное в плане — это наметка условий подвижного равновесия. На какой классовой основе, какого

типа «равновесие», возможно ли такое «равновесие», не есть ли весьма относительное равновесие при наличии известных диспропорций — путь движения, — об этом т. Бухарин не задумывается. Нас не должно вводить в заблуждение слово «подвижное». «Подвижное равновесие» это равновесие, которое предлагают и Громан и Базаров, и, как нам раз'ясняют, это есть такое равновесие, которое, будучи нарушено, восстанавливается на другом уровне, но при той же структуре системы. Эта установка на равновесие, как мы видели, вовсе не случайна. Она характеризует стремление гибнущих в процессе революционного строительства классов удержаться, хотя бы на время.

Установка правых на равновесие вела к теории равновесия секторов нашего народного хозяйства, теории мирного сотрудничества классов, теории вставания капиталистических элементов в социализм. «Эта теория, — говорит т. Сталин, — имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов».

Теоретически эта установка исходит из метафизической теории, признающей основным законом природы и общества равновесие (А. Богданов).

На самом деле не покой, не равновесие, а движение характеризуют как природу, так и общество.

«Движение есть форма существования материи. Никогда и нигде не было и не могло быть материи без движения... Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл по отношению к той или другой определенной форме движения»¹.

По отношению к обществу т. Бухарин создал теорию, согласно которой существует извечный «закон трудовых затрат», закон равновесия, который при капитализме имеет форму стоимости, а в переходном обществе скидывает это свое греховное белье и выступает в чем мать родила. Тов. Бухарин исходит из равновесия, как основного закона капиталистического общества. «Закон ценности — говорит он — есть закон равновесия товарного производства». На самом деле закон стоимости есть закон движения капитализма. Равновесие есть лишь случайный момент в движении капиталистического общества. Тов. Бухарин не понял смысла указания Ленина о том, что «законы капитализма, открытые Марксом..., изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»², что закон стоимости осуществляется «путем неосуществления».

Эти указания Ленина говорят, конечно, не о фиктивности закона стоимости, а о его диалектическом характере, о том, что он управляет движением капитализма.

Что критерием плана является продвижение к полной победе социализма, проблема «кто кого», социалистическая индустриализация

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг».

² Н. Ленин. Собрание сочинений, т. II, стр. 498 (1-е изд.).

и социалистическая реконструкция сельского хозяйства — это как раз и смазывается сведением планирования к достижению равновесия.

Этот извечный закон равновесия, «закон трудовых затрат», т. Бухарин и хочет положить в основу планирования. Или равновесие или кризис, так ставил вопрос Громан и Базаров, так получается и у т. Бухарина. На самом деле наше движение к социализму совершается через ломку старых отношений, через установление пролетариатом новых отношений и пропорций, через частичные диспропорции.

Вся суть нашей экономики именно в том, что мы перестраиваем ее — расширяем отношения социалистические, ограничиваем хозяйство капиталистическое, а на известном этапе ликвидируем его (например ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации), коллективизируем хозяйство бедняка и середняка и т. д. Суть не в равновесии, а в революционном переустройстве.

Это переустройство не может происходить так, что мы гладко, чинно, как поезд подходит на немецкой дороге к станции, переходим от одного состояния полного равновесия к другому, оно неизбежно сопровождается трудностями, частичными диспропорциями. Причем эти диспропорции в основном создаются вовсе не неумением планировать, как утверждал т. Бухарин, а отчаянным сопротивлением отживающих классов (вредительство буржуазной интеллигенции, сопротивление кулачества и т. д.), а также нерешительностью, неверием в силы пролетариата, неумением по-большевистски преодолевать диспропорции у правых и «левых» оппортунистов.

С установкой на равновесие тесно связана установка правых на «узкие места». В своих «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено» по техническим условиям больше определенной величины, то нельзя сочинять программы строительства, превышающие этот предел..., ибо из «будущих» кирпичей нельзя строить «настоящие фабрики даже по «Бем-Баверку». Диалектика жизни однако такова, что так как истина конкретна, то эта общая плоская истина о «кирпичах настоящего», как лимите капитального строительства, оказалась ложной (эта общая истина на деле совпала с установками буржуазных реставраторов на снижение темпов); и именно потому, что т. Бухарин подошел к вопросу метафизически, поверхностно, а не подошел к вопросу как революционер, который не только созерцает, а творит, изменяет мир.

В процессе социалистического строительства пролетариат имеет огромные возможности увеличения прибавочного продукта, повышения производительности труда, лучшего использования материалов, перераспределения средств и т. д. Социалистическое соревнование и встречный промфинплан показали ярко, какими огромными резервами и возможностями располагает пролетариат.

Тов. Бухарин приводил в доказательство чрезмерных непосильных темпов дефицит в 232 млн. шт. кирпичей (8,7% всей потребности).

намечавшийся на 1928/29 г. неким Барским. Выходило так, что пролетариат со всеми его огромными возможностями должен отступить перед этим дефицитом, не пытаясь активно его преодолеть. Между тем дополнительное ассигнование какого-нибудь десятка миллионов руб., поднятие производительности труда на заводах или даже некоторое облегчение типа построек (большой контроль за строительством, где было не мало вредительства) — все это активно преодолевало трудности.

Тов. Бухарин не заметил одного из многих противоречий, в которое он впал в своих «Заметках»: на стр. 48 он приводил цифру о нехватке 20% строительного металла и патетически спрашивал — «как же строить при таком дефиците?» На стр. 53 он же указывал, что «у нас расходуется в 1½—2 раза больше металла, чем необходимо». Казалось бы ясным, что дефицит с металлом является относительным и что, не говоря уж о возможностях увеличения производства металла, имеются возможности изжития дефицита путем рационализации самого строительства. Однако напуганные высокими темпами и трудностями правые предлагали отступить, подбодряя тем самым вредителей в их подрывной работе. И тут мы подходим к одному из вопросов, на котором спекулировали Громаны — Базаровы. Это — сведение планирования к составлению балансов. Установка плана — это равновесие, а «выявить наличность или отсутствие равновесия можно только при помощи построения баланса» — писал Базаров. «Поэтому, — делал он вывод, — балансовый метод является основным методом построения перспективного плана»¹.

В унисон с этим т. Бухарин утверждал, что «народнохозяйственный план все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства» и что стоит нам сбалансировать основные элементы народного хозяйства, как мы добьемся возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства (см. «Заметки экономиста»).

Несомненно, что балансовый метод имеет крупное значение в планировании. Однако было бы совершенно неверно сводить к этому методу планирование. Баланс есть лишь момент в планировании. Разговоры вредителей о балансе были сплошным лицемерием, поскольку они делали все для разрушения этих балансов, с другой стороны, они пытались напугать нас отсутствием абсолютных балансов, дабы заставить нас сжать темпы капитального строительства.

Правые оппортунисты брали на веру и поддерживали «балансовую теорию» плана. Вместо того, чтобы активно по-революционному планировать баланс, они, исходя из теории равновесия, теории узких мест, брали установку на абсолютное балансирование плана.

Что сам баланс не сваливается с неба, как манна небесная, а есть результат классовой борьбы, активности, инициативности, трудового героизма — это затушевывалось правыми.

¹ «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 55-56.

«Для нас пятилетний план — говорил т. Сталин на XVI съезде ВКП(б) — как и всякий план есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» (И. Сталин. Политотчет XVI съезду, стр. 67).

Итак, план есть не просто сумма таблиц. Это есть директива, примерный расчет, план мобилизации революционной активности пролетариата и в то же время процесс борьбы за эту мобилизацию, процесс проверки плана на опыте, процесс планирования на ходу воспроизводственного процесса.

Эту активную сторону планирования скрывали вредители, ибо это было невыгодно международной буржуазии. Этого не видели и правые оппортунисты, а также и право-«левые» двурушники; напуганные трудностями роста они так и не заметили растущей активности рабочего класса, который через соцсоревнование, через встречный промфинплан героически преодолевает препятствия, в том числе препятствия, созданные вредителями, и опрокидывает все надежды вредителей и международной буржуазии.

Нельзя забывать, что речь идет вовсе не только о смычке правых оппортунистов с буржуазными реставраторами в теории. Такую смычку мы имели объективно и в практике вредителей и оппортунистов. Поскольку правые оппортунисты были за торможение темпов индустриализации, особенно по линии тяжелой промышленности, они становились фактическими союзниками «промпартии» и других контрреволюционных организаций.

«Отрицательное отношение правых оппортунистов к быстрым темпам экономического развития страны, их теория потухающей кризисной классовой борьбы и вставания капиталистических элементов в социализм, слепое доверие к буржуазным специалистам, наплевательское отношение к задаче создания пролетарских кадров специалистов... — все это, вместе взятое, сделало правых оппортунистов надежной опорой вредителей в советском и хозяйственном аппарате, передаточным механизмом, при посредстве которого вредительские планы вопреки партии, вопреки классовой бдительности рабочих получали иногда частичное осуществление, в особенности в области планирования» («Правда» от 2 декабря 1930 г.). Над этими глубоко верными положениями «Правды» должны задуматься каждый партиец, каждый рабочий и в первую очередь работники плановых органов. Недоста-

точно разоблачить буржуазные установки Кондратьевых, Громанов, Базаровых. Необходимо вскрыть всю вредительскую практику во всех ее направлениях, необходимо помнить в то же время, что без разоблачения и изоляции оппортунистических элементов, без борьбы с примиренцами к ним нельзя успешно вести социалистическое наступление по всему фронту.

Подытоживая вышесказанное о вредительской теории планирования Громана и Базарова, мы находим: перед нами буржуазные экономисты, не имеющие ничего общего с марксизмом. Поскольку они облачаются в тогу марксистов, они представляют просто волков в овечьей шкуре. Все их теоретические рассуждения и положения связаны в один узел — капиталистический подход к нашей экономике и активное содействие буржуазии в деле возврата капиталистического режима.

Специальной задачей Громанов, Базаровых и Сухановых было обмануть пролетариат в отношении истинных намерений заправил контрреволюционного блока Рамзиных и К^о.

Они лезли из кожи, чтобы своими теориями завуалировать деятельность контрреволюционных вредителей. Они старались давать «советы», которые, если бы они оказались принятыми, вели бы к реставрации капитализма. Эти «советы» нередко встречали сочувствие у правых и «левых» оппортунистов, отражающих влияние мелкой буржуазии на пролетариат. Партия в целом давала решительный отпор этим буржуазным реставраторам еще до разоблачения их как прямых участников единого контрреволюционного вредительского блока.

Стремления вредителей благодаря доблестной работе ОГПУ потерпели жалкое фиаско.